

Мюнстерберг Гуго

**Основы психотехники Г.
Мюнстерберг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г93

Г93 **Гуго М.**
Основы психотехники Г. Мюнстерберг / Мюнстерберг Гуго – М.: Книга по Требованию,
2023. – 148 с.

ISBN 978-5-519-98402-7

ISBN 978-5-519-98402-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

от предупреждения преступления. Или же, если нам придется иметь дело с интересами коммерсанта, мы опять-таки будем рассматривать, в качестве отдельных проблем, различные специальные задачи, как напр., вопрос о выставке, об объявлениях, о продаже. Говоря о задачах науки, мы будем отграничивать естественно-научное исследование от исторического, рассуждая о целях врача, мы будем различать проблемы диагноза и прогноза; лечение болезненных душевных состояний—от лечения нервных болезней; короче, каждую проблему прикладной психологии мы будем ставить так, как она должна быть поставлена с точки зрения задач, подлежащих выполнению, безотносительно к применяемым для этого психологическим средствам.

Та последовательность, в которой должны быть расположены главные группы подлежащих обсуждению проблем, по необходимости является до известной степени случайной. Если бы мы хотели следовать исторической традиции, мы должны были бы отвести главное место вопросам воспитания. Название прикладной психологии долгое время было монополизировано психологической педагогикой, и несомненно, что за последние два десятилетия в этой области произведена была весьма основательная и тщательная работа. Но так как мы имеем ввиду бо-
льший обзор всей области психотехники, то для нас должно быть более важным расположить весь круг ее задач по их внутренним соотношениям, если бы даже благодаря этому на передний план выдвинулись те группы вопросов, к разрешению которых психология могла до сих пор привнести лишь очень немного данных. Наиболее важным требованием является в настоящее время указание тех пунктов, в которых нужна будет впоследствии экспериментальная работа в интересах психотехники, и таким образом мы должны будем включить в наш обзор, наряду с полузатронутыми областями, также и такие, которые еще совершенно не разработаны.

Все задачи, подлежащие нашему рассмотрению, подчиняются, очевидно, одной цели—цели служения человеческому обществу. С самого же начала мы должны подчеркнуть, что не ставить задачи, но лишь исследовать средства к их разрешению составляет обязанность прикладной психологии. Самые задачи предписываются психологу-практику окружающей общественной жизнью. Таким образом, принципиально выбор возможных целей направляется общественными интересами, но тем самым можем сейчас же удостовериться в том, какие задачи надлежит поставить на первое место. Первою целью, очевидно, должно быть образование самого общества. Остальные задачи, как, например, обеспечение правопорядка или лечение болезней, или достижение благосостояния, или разработка наук служат отдельным сторонам и частным потребностям общества, но впереди всех все же должна стоять задача образования из множества

индивидуумов единого прочно связанного общества, организованного так, чтобы были даны условия для выполнения всех остальных задач. При ретроспективном рассмотрении социологии, имеющая дело с развитием и формами групповой жизни, как таковая, должна бы таким образом предшествовать историческому и систематическому изучению политики, юриспруденции, политической экономии, искусства, науки, религии, так как только там, где группы уже сложились в некоторое единство, могли развиваться эти отдельные функции человеческого общества. Соответственным образом и с точки зрения психотехники, имеющей ввиду будущее, задачи социальной организации, задачи общественного порядка предшествуют всем другим задачам. Для психолога-практика, стоящего среди уже сложившегося общества, разумеется, дело идет не об указании путей образования социальных групп вообще. Напротив, его задача ограничивается вопросом, может ли психология быть полезной для целей наилучшей, наиболее прочной и целесообразной организации общества. Ему предстоит исследовать, можно ли путем планомерного учета психологических факторов расширить и обогатить те инстинктивные функции, которые ведут к образованию социальных связей.

Если организация общества в этом смысле есть руководящая задача для специальной психотехники, являющаяся, несомненно, также и введением в последнюю, то по отношению к этой задаче все остальные в известной степени являются соподчиненными, поскольку все они представляют отдельные интересы оформленного общества. Однако, они расположатся в естественной последовательности, коль скоро высшую цель общества мы будем усматривать в созидании духовной культуры, оценивая соответственно этому отдельные задачи тем выше, чем более удалены они от материальных условий человеческой жизни. С этой точки зрения является естественным, что ряд частных задач общества мы открываем теми задачами, которые имеют непосредственное отношение к материальным условиям общественной жизни. Это, с одной стороны,—гигиена и медицина, с другой стороны,—хозяйство, т. е., прежде всего сохранение общественного организма, а затем созидание материальных средств для удовлетворения человеческих потребностей, при чем мы должны принять во внимание торговлю, промышленность и пути сообщения. Следующая ступень ведет от хозяйственной жизни к политическим и правовым задачам общества. Хозяйственная, политическая и правовая деятельность социальных групп образует подлинную основу, на которой может строиться и развиваться высшая духовная жизнь. Место введения к этой последней группе задач принадлежит воспитанию и обучению. Сюда примыкает наука, искусство, нравственность и религия. Такова та последовательность, в которой мы должны были бы

обсуждать отдельные задачи прикладной психологии. Мы не останемся верными этой идеальной программе лишь постольку, поскольку мы не будем трактовать о политике, морали и религии в особых отделах дальнейшего изложения, так как для этого психотехника дает слишком мало материала. Мы начинаем с социальной организации, за которой следует гигиена и медицина, затем торговля и промышленность, потом судебная расправа, воспитание и обучение и, наконец, разработка искусства и науки. Конечно, пограничные линии нигде не могут быть резкими. Многочисленные проблемы переходят одна в другую; в особенности же при вводном рассмотрении вопросов, относящихся к социальной организации, уже должны быть указаны многие пункты, которые впоследствии, при исследовании частных функций общества, получают более широкую разработку.

2. Проблемы социальной психотехники.

Обращаясь к проблемам социальной организации, мы прежде всего не должны упускать из вида, что наша задача сильно отличается от задачи социолога. Последнего интересует описание и объяснение непрестанной смены социальных сил. Он исследует все многообразие обстоятельств, взаимодействие которых создает социальную структуру, и, прежде всего, он отыскивает законы, которые управляли образованием групп в истории человечества. Конечно, его исследования часто должны вести к психологическим проблемам, но социальная психология остается все же вполне подчиненной теоретической тенденции—понять различия человеческих групп в эпоху первобытной и исторической культуры. Формулировка законов, выводимых социологом из прошлого, легко может внушить ожидания, что те же самые силы будут действовать также и в будущем. Но даже тогда, когда социолог заглядывает в будущее, для него, как социолога, речь идет лишь о теоретическом предсказании того, что, по всей вероятности, должно будет наступить. В его задачи не входит указывать те средства, с помощью которых можно было бы преобразовать социальные явления ради тех или иных целей. Напротив, наше исследование должно быть всецело подчинено цели практического служения социальной организации. Для нас вопрос заключается в следующем: каким образом знание психологии может быть использовано для жизненных целей организации человеческого общества. Следовательно, и в дальнейшем подразделении нашего материала мы должны подчиняться мысли об этой задаче. Конечно, эта область настолько широка и всеобъемлюща, что различные ее части могут быть очерчены здесь лишь общими контурами.

Расположить различные задачи социальной организации в простой ряд так, чтобы первая задача вела ко второй, а вто-

рая, к третьей и т. д., можно было бы лишь очень несовершенным способом. Существо внутренней связи между этими задачами заключается в их взаимной зависимости. Осуществление различных задач указывает на многообразную зависимость между ними, так что приходится говорить скорее о различных сторонах социологического процесса, чем о самостоятельных социальных функциях. При этом может возникнуть возражение, что мы не имеем никакого права принимать социальные задачи за безусловно значимые, так как эти задачи часто являются предметом оживленнейших споров. Наиболее общая цель, а именно та цель, что должно вообще существовать организованное общество, необходимо признать общеобязательной для всех, кто приступает к его изучению, но все частные цели находятся, повидимому, под влиянием политических и социальных идеалов. Консервативные, радикальные, социалистические идеи имеют конечною целью различные формы организации общества. Тот, кто стремится к смешению рас или к их разобщению, кто хочет поставить мужчине и женщине одни и те же или же различные задачи, кто вообще стремится способствовать разнообразию индивидуальных функций в обществе или же хочет устранить его, тот работает над организацией такой формы общества, против которой можно спорить и бороться.

В противовес всему этому следует прежде всего отметить, что психотехника может далеко продвинуть свою работу, не касаясь споров о том, какие частные цели подлежат предпочтению. Основные требования человеческих взаимоотношений остаются неизменными даже при сильно выраженной противоположности частных интересов. Знание друг друга, взаимное понимание, совместная жизнь и деятельность—все это является предпосылкой для всякого общества. По отношению же к частным целям прикладная психология может придерживаться той формулы, что психология должна применяться тем или иным способом, если общество предпочитает ту или иную частную цель. Косвенным путем прикладная психология до известной степени может внести некоторую ясность и в вопрос о целях, так как только психолог может указать, достижима ли вообще та или иная цель. Лишь тот, кто знает природу психических процессов, может предсказать, какие стремления осуществимы при данных социальных формах. Психолог вышел бы за пределы своих задач, если бы он захотел предписывать обществу те или иные цели, но критика философии культуры и социологических трудов по вопросам социальных реформ по праву принадлежит к его задачам. Тот, кто стремится привлечь представителей низших рас или детей определенного возраста, или же женщин вообще, или равным образом мужчин к таким общественным задачам, для выполнения которых отсутствуют у них необходимые психологические условия, тот должен с по-

мощью психолога корректировать свои социально-политические тенденции.

С другой стороны, нельзя отрицать, что как раз в связи с этим и возникает сильное искушение смешать исследование средств с исследованием целей. Тот факт, что известная цель не может быть осуществлена по психологическим основаниям, является как бы принудительным аргументом, говорящим против правильности самой цели. Наоборот, то обстоятельство, что известные психические механизмы представляются удобными для осуществления известных целей, напротив, не может еще рассматриваться, как свидетельство в пользу самих целей. Служить культуре—не значит просто дать простор силам природы, напротив, чаще это значит преодолеть и покорить природу. Легко было бы достигнуть той или иной социальной цели, если бы она соответствовала психическим инстинктам. Но из факта инстинктивного стремления к цели нельзя заключать к тому, что сама эта цель является более желательной, чем противоположная, требующая подавления инстинктов и дисциплинирования психических сил. На вопрос о достижимом и недостижимом можно ответить путем изучения психических процессов, но вопрос о том, что хорошо и что дурно, как мы уже отметили, нужно считать не относящимся к прикладной психологии.

Переходя к обзору установления социальных целей, относящихся к организации общества, мы никоим образом не можем следовать по пути социологии. Для социолога основным вопросом является вопрос о том, какие функции психической жизни привели к возникновению социальных связей и соединений. Поэтому вполне естественно, что он начинает свои исследования с изучения стадных инстинктов или чувств симпатии, или процессов подражания и т. п. Эта исходная точка зрения дает ему возможность достигнуть понимания развития общества. Ясно однако, что подобный способ рассмотрения никак не может осветить вопрос о том, каким образом данное общество могло бы укрепить свою социальную структуру и содействовать развитию своих органических функций. Оставаясь верными этой практической точке зрения, мы должны в начале нашей программы поставить требование, касающееся понимания людей в разнообразии их характеров. Какой бы группе мы ни говорили—об очень узкой или очень широкой, очень слабыми или очень прочными связями, как бы то ни было, первой предпосылкой для всех, кто стремится к объединению ради совместной деятельности, является взаимное понимание. Имея в виду ту или иную деятельность, нужно знать, чего можно ожидать друг от друга, насколько можно доверять друг другу и понимать друг друга. Такое понимание душевного своеобразия другого человека называли психогнозисом.

Мы могли бы удержать это выражение и утверждать, что такого рода психогностические усилия должны предшествовать всем остальным социальным задачам, для того, чтобы каждый человек достиг, наконец, соответствующего его особенностям положения и занял то место, где он всего более полезен и пригоден. К требованию знания людей присоединяется требование наилучшего их распределения. Лишь после этого следует дальнейшее требование, состоящее в том, чтобы между отдельными членами социальной организации были установлены действительные взаимные связи, и различные формы этих взаимоотношений были целесообразно закреплены. Отсюда мы приходим к заключительной задаче: так сконструировать социальную организацию, чтобы достигалась наибольшая работоспособность составляющих ее групп, наилучшее осуществление ими социальных задач. При дальнейшем рассмотрении этой задачи она тотчас же приведет к частным задачам культурного общества, требующим особого исследования, как например, к задачам хозяйственной жизни, политики, воспитания, научной работы и т. д.

3. Знание людей.

Наша проблема есть, таким образом, проблема психогнозиса. Как это ни странно, социологи упустили ее из виду, но для психологов эта проблема является вполне доступной, хотя до сих пор удалось сделать очень немного для разрешения узко практических задач. Основным вопросом является—может ли научная психология помочь нам понять психические предрасположения, существенные черты и поведение других людей таким образом, чтобы на этом понимании людей могли основываться практические отношения. Конечно, всякое соприкосновение с человеком в известной степени учит наблюдать непроизвольное выражение внутренней жизни. Индивидуальные способности и приобретенные навыки к такому наблюдению распределяются, как известно, весьма неравномерно. Некоторые владеют необычайным талантом видеть человека насквозь с поражающей точностью, постигая при поверхностном соприкосновении с ним его достоинства и недостатки, сильные и слабые стороны его личности, его характер и темперамент, одаренность или ограниченность. Других легко вводят в заблуждение ничего незначащие симптомы. Как известно, успех некоторых политиков и чиновников в общественной, равным образом и коммерсантов в хозяйственной жизни основывается в конце концов на этой способности быстро распознавать особенности тех лиц, с которыми они вступают в соприкосновение, пользуясь для этого приобретенною ими проницательностью. Тот, кто владеет этой способностью, тем самым не

сознает еще определяющих ее факторов. Наблюдения, относящиеся к самым различным областям, показывают, что опытный человек может достигнуть полного приспособления к какому-либо положению, хотя ему и не ясен ни его способ реакции, ни изолированные элементы комплекса раздражений, определяющих реакцию. Игрок на бильярде тоже не знает, каким образом он производит наиболее точную, соответствующую той или иной ситуации, установку моторных импульсов.

Но то, что в обычной жизни мы называем знанием людей, простирается гораздо дальше заключения о психических признаках из наблюдения выразительных движений. Мы можем констатировать в своем обычном поведении ряд почти независимых друг от друга методов, посредством которых мы познаем окружающих нас людей. Каждый из этих методов сам по себе имеет донаучный характер, но каждый из них может быть разработан с научною точностью. Прежде всего мы можем проникнуть взором в душевную жизнь тех людей, с которыми мы имеем дело, пользуясь тем, что у нас есть известное популярно-психологическое понимание общих законов работы психического механизма. Тот, кто таким путем, на основе своих жизненных наблюдений, постигает человеческую природу и психическое поведение, сумеет подойти к человеку. Дело идет пока не о постижении индивидуальных особенностей личности, но об общечеловеческом. На следующей ступени знание людей опирается на популярную групповую психологию. В этом случае индивидуум понимается, как член какой-либо определенной группы, и те психические признаки, которые мы рассматриваем, как характерные свойства целой группы индивидуумов, просто и без дальнейшего исследования приписываются интересующему нас индивидууму. При этом на такой донаучной стадии само это знание групповой психологии может быть абстракцией от многочисленных опытов или же знанием по наслышке, или полным предубеждением обобщением случайных переживаний.

Дальнейшей ступени мы достигли бы, наконец, применяя прямое наблюдение характерных признаков самого индивидуума. Не требуется, конечно, способностей к познанию людей для того, чтобы понять, что тот или иной человек самолюбив или благороден, ленив или прилежен. Но некоторая проницательность и практический навык к наблюдению может все же быть полезным для образования таких суждений, если индивидуальные различия функций сравнительно не велики, и в особенности в том случае, если они обнаруживаются в таких симптомах, которые легко упустить из виду. Настоящий знаток людей быстрее других видит, что среди окружающих его одни старательны, а другие небрежны, что у одних память надежная, у других—недостаточная. Наконец, в практической жизни

развивается также наивная психология корреляций, как бы ни была она сама по себе слепа и беспомощна.

В сущности любая психогностическая тенденция наивного сознания может быть обострена и усилена посредством методов научной психологии. Мы можем исходить из понимания индивидуума с точки зрения групповой психологии. С двенадцатилетним мальчиком мы ведем себя иначе, чем с мужчиной, с французом—иначе, чем с эскимосом, со священником—иначе, чем с фабричным рабочим, потому что известная комбинация психических свойств кажется нам типичной для той группы, к которой принадлежит данный индивидуум. Если мы перейдем к научной психологии групп, то как бы мы ни овладели ее результатами, мы не предохраним себя от возможности встретиться с личностью, существенно отличающейся от среднего члена данной группы, так что и наши научно обоснованные приемы могут в отдельных случаях ввести нас в заблуждение. Но все же приобретением научной психологии является по крайней мере то обстоятельство, что те характерные признаки, которые мы приписываем данной группе, заимствуются не из случайных впечатлений или ходячих предрассудков, но из серьезного исследования обширного материала с помощью научных методов. Особенности различных возрастных ступеней, наций, рас, профессий и других социальных групп сводятся при этом к ясно и резко отграниченным описаниям, так что мы получаем определенный масштаб для ожиданий и оценок, как только перед нами возникают задачи социальной организации. При этом мы никогда не должны забывать, что понятие социальной организации может обнимать как очень слабые, так и очень прочные, как очень текущие, так и очень продолжительные связи. Поэтому речь может идти о совместной игре детей, об организации клуба или школы, об учреждении торговой фирмы, о заключении брака между мужчиной и женщиной или о вхождении наций в политический союз. Теперь мы приведем несколько примеров для того, чтобы отметить разницу, существующую между импрессионистическим методом популярного психогнозиса и научной психогностической работой,—выражается ли она в лабораторных экспериментах или в статистических исследованиях. Самые методы мы рассмотрели в общей части. Здесь, как и в дальнейшем изложении вообще, речь будет идти только о примерах, разъясняющих особенности применения этих методов в отношении к вопросам общественной жизни.

Если речь идет о построении социальной организации, то на первый план среди проблем групповой психологии выступает в самых разнообразных формах проблема психического различия полов. В какой мере женщины должны участвовать в промышленной жизни страны? Насколько домашняя деятель-

ность должна приковывать их к семье? Насколько они должны втягиваться в общественную жизнь путем профессиональной деятельности? Не должна ли перейти в их руки профессия учителя? Разумно ли принимать их в круг политически организованных лиц, в круг избирателей? Ни один из этих спорных вопросов,—ни вопрос о праве голоса для женщин, ни вопрос о фабричной работе, не может быть разрешен исключительно психологом, так как здесь перекрещиваются самые различные проблемы, но все же является несомненным, что ни один из этих вопросов не может получить принципиального решения, без серьезного исследования психических признаков женщины в отличие от психических признаков мужчины. Так же, как и во многих других областях практической психологии, в проблеме различия между мужчиной и женщиной теория потерпела ущерб благодаря социальным предрассудкам и социальным требованиям. Вместо того, чтобы опираться на психологические познания в вопросе о практическом применении работы мужчины и работы женщины, теоретические соображения приравнивались к соответственным практическим потребностям. С одной стороны, мы встречаемся с предрассудками мужчин, желающих отстранить женщину от работы мужчины и поэтому подчеркивающих те духовные черты женщин, которые могут быть истолкованы, как признаки ее низшей природы. С другой стороны, женщина стремится к равноправию, и все, кто симпатизирует ее новым требованиям, инстинктивно пытаются возбудить иллюзию, будто вообще не существует никаких естественных различий в жизни сознания, и все, имевшие место до сих пор различия в практической деятельности были результатом стесняющего влияния ненормальных случайностей. С точки зрения групповой психологии не существует вопроса о лучшем или худшем, и практические последствия должны быть оставлены без внимания. Это, конечно, не исключает права применять также и здесь методы исследования психических признаков на объективных продуктах психической деятельности. При этом нельзя не обратить внимания на недостаток подлинно крупной, мирового значения, продуктивности в области литературы или искусства, или музыки, т. е. в тех областях, в которых положение мужчины и женщины почти одинаково, и в которых средняя массовая производительность и на самом деле является равноценной. Итак, едва ли можно оспаривать некоторое основное различие в оригинальности и духовной способности указывать новые пути у женщин сравнительно с мужчинами. С другой стороны, эти результаты ближайшим образом доказывают не столько различие между мужским и женским типом, сколько различие в крайних вариациях того и другого. Но прежде всего, даже если бы способность женщины к оригинальной деятельности была менее значительна, на этом только

основании групповая психология не могла бы высказать обобщающее утверждение, что духовные силы женщины вообще менее значительны, так как эта слабость может быть совершенно уравновешена развитием силы в других направлениях. Меньшие творческие силы могут вполне совмещаться с силой духовного самосохранения, не менее важной для блага человечества. Такого рода выводы из объективных продуктов деятельности приводят лишь к мысли о необходимости непосредственного изучения психического аппарата независимо от деятельности масс. Конечно, и в этом случае является необходимым тщательно рассмотреть вопрос о возможности возникновения различий в изучаемых признаках благодаря социальным условиям и специальному упражнению.

Однако точный анализ с несомненностью показывает, что даже те психические функции, которые совершенно не зависят от социальных условий, значительно различаются у среднего мужчины и средней женщины, если принять во внимание большие числа. Характерны в этом отношении те функции, которые не стоят в каком-либо очевидном отношении к условиям жизни, какова, напр., цветовая слепота: среди мужчин более 3% слепы на цвета, из женщин же меньше $\frac{1}{2}\%$. Там, где дело идет о таких функциях, которые могут развиваться различно при различии школьных методов и социальных влияний, решающее значение имеет обнаружение их в годы, предшествующие вступлению в школу. Тóгеп исследовал большое число мальчиков и девочек в отношении их способности узнавания рисунков. Он показывал им серию изображений одного и того же предмета, отличающихся друг от друга возрастающим количеством деталей. Спрашивалось, сколько таких деталей нужно для правильного восприятия. Исследование показало, что мальчики лучше воспринимают и быстрее узнают предмет, чем девочки. 12-летние девочки стоят на одной ступени с 7-летними мальчиками. Результаты не оставляют никакого сомнения в том, что это различие существует уже для 4-летних детей. Кроме того, дело идет при этом не только об отрицательной слабости восприятия: девочки обнаруживают, наряду с этой слабостью, положительную тенденцию к фантастическим дополнениям. Мальчики во всяком случае больше придерживаются действительно данных впечатлений при истолковании зрительного восприятия. Но для того, чтобы показать, насколько опасно было бы преувеличивать значение такого рода экспериментов, применяя результаты за пределами специальных условий опыта,—мы можем, например, сослаться на эксперименты Франкен'а. Он предлагал большому числу мальчиков и девочек 400 вопросов, и они должны были написать, могут ли они ответить на каждый отдельный вопрос или не могут. Соответственно этому записанные ответы гласили: да или нет. Во втором ряде опытов,